

Понятие органа юридического лица по российскому законодательству

Г.В. ЦЕПОВ *

Согласно со ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Под органом юридического лица традиционно понимается его составная часть, которая согласно имеющимся у нее полномочиям формирует и выражает его волю, руководит его деятельностью. Так, в частности, С.Н. Братусь относительно сущности органа юридического лица указывал: «...органом являются те живые люди, которые вырабатывают волю общественного образования как единого целого. Орган — это та часть целого, в котором проявляется деятельность целого. Поэтому органом... нельзя считать должность, как определенную компетенцию и вытекающие из нее действия, которые выполняет юридическое лицо... органом является возглавляемый этим должностным лицом организованный коллектив трудящихся, выполняющий возложенные на него социалистическим государством функции».¹

В настоящее время такое понимание органа юридического лица подлежит переосмыслению. Прежде всего это относится к определению органа как части целого. Подобное понимание может иметь право на существование только при условии принятия за основу теории реальности юридического лица как некоей «коллективной личности». С развитием законодательства и признанием права учреждения юридического лица одним лицом (наличием одного участника) предложенный подход стал уязвим, тем более если этим учредителем является другое юридическое лицо. Кроме того, возможны случаи, когда юридическое лицо существует, в то время как его «людской субстрат» временно отсутствует, но это отнюдь не означает, что в указанный период юридическое лицо не создает для себя каких-либо обязанностей. Таким образом, понимание органа в качестве составной части юридического лица в настоящее время представляется неверным.

Употребляя понятие «орган юридического лица», нужно осознавать, что любой его состав формируется из самостоятельных субъектов права, вследствие чего их действия должны различаться в зависимости от того, действуют ли они от себя лично, либо от имени и в интересах представляемого ими юридического лица. Однако вышеприведенная теория такого разграничения не проводит, поэтому отношения между участвующими в управлении субъектами и юридическим лицом остаются неисследованными. В большинстве случаев теория и следующая за ней судебная практика считают такие отношения трудовыми. В то же время с закреплением в ГК РФ возможности передачи по договору функций управления коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю данная позиция вызывает большие сомнения.

По тем же причинам в практической деятельности возникают коллизии, связанные с невозможностью, исходя из упомянутой концепции, нормально разрешать споры. Так, в случае спора о том, какой орган принял решение в пределах своей компетенции, а какой — нет, непонятно, кто будет являться стороной такого спора. Например, акционерное общество, действующее в лице совета директоров, с одной стороны, и то же общество, но уже в лице собрания акционеров или правления — с другой, участниками такого спора быть не могут. Не могут быть сторонами спора и сами эти органы, так как, будучи «частью целого», не признаются самостоятельными субъектами права. Непонятно также, подведомственны ли такие споры суду и по какому праву они должны рассматриваться.

* © Г.В. Цепов, 1998. [Впервые статья опубликована: Правоведение. 1998. № 3. С. 89-93]

¹ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 113.

В качестве примера приведем случай из практики Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области. АО «П» предъявило иск о признании недействительным решения общего собрания акционеров того же общества. В качестве ответчика была указана та же организация. В определении Арбитражного суда об отказе в принятии искового заявления говорилось следующее: «В соответствии с п. 1 ст. 22 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по спорам между юридическими лицами. В данном случае истец и ответчик являются одним и тем же лицом. При таких обстоятельствах спор не подлежит рассмотрению в арбитражном суде». Позиция суда в данном случае представляется правильной, однако вопрос заявителя, в каком же именно порядке можно установить факт незаконности решения общего собрания, так и остался без ответа.

Еще более запутаны случаи с появлением лжедиректоров, фальсификацией результатов собраний акционеров и т.п. Как поступать в таких случаях? Можно ли на основе господствующей теории реальности юридического лица как «коллективной личности» выработать четкий механизм разрешения таких споров? По-видимому, нет. Требуется кардинальная переработка самой концепции юридического лица, определение правового положения участвующих в управлении лиц и распространение на эти отношения норм гражданского права.²

Представляется более правильным мнение, что юридическое лицо — это фикция, т.е. искусственное образование, невидимое, неосозаемое и существующее только с точки зрения закона. Признав это в качестве аксиомы, мы неизбежно должны сделать вывод, что и воля юридического лица не может существовать в действительности и для ее возникновения необходимо действие реально существующего субъекта. Этим субъектом и является лицо, выполняющее функции его органа. Весь же процесс формирования и выражения воли юридического лица можно представить следующим образом: 1) первый этап составляет выражение субъектами управления воли, которую они полагали бы выдать за волю юридического лица; 2) второй этап — допущение, что данная воля является волей юридического лица; 3) третий этап — выражение этой воли перед третьими лицами уже как воли юридического лица.

И в первом, и в третьем случаях фактически действуют только указанные субъекты, однако если на первом этапе это — непосредственно их воля, то на последнем признается, что это — уже воля юридического лица. Субъекты в последнем случае действуют как его представители. Таким образом, можно говорить о наличии в гражданском праве особого рода отношений, связанных с «управлением» одного субъекта гражданского права другим субъектом. В случае с акционерным обществом такие отношения возникают на основании договора (как между обществом и акционерами, так и между обществом и директорами). Управление в этом смысле представляет собой не предоставление юридическому лицу обязательных указаний для их исполнения, как в административном праве, а допущение того, что каждый из управляющих при исполнении им своих функций действует от лица самого общества. По сути, речь идет не об управлении обществом как самостоятельным субъектом права, а об управлении его имуществом, выступлении в гражданском обороте от его имени. Понятие «управление» в данном смысле употребляется в значении «распоряжение».³ При этом в любом случае допускается свободная воля общества, в результате чего

² В противном случае будет затруднительно определить, нормы какой отрасли права распространяются на данные отношения, поскольку ни административными, ни трудовыми такие отношения быть не могут.

³ «Управлять — править, давать ход, направление, распоряжаться» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. С. 504).

принципы гражданского права не страдают. Право на управление в указанном смысле прямо отнесено к правам гражданским.⁴

Положение о том, что юридическое лицо и субъекты, выполняющие функции его органов, находятся в гражданско-правовых отношениях, по своей сути являющихся особым видом представительства, можно проиллюстрировать на примере акционерного общества. Так, при избрании (назначении) и вступлении директора в должность требуется волеизъявление не то как общества в лице совета директоров (наблюдательного совета) или общего собрания акционеров, так и лица, принимающего на себя полномочия директора. Избранное (назначенное) лицо приобретает право представления интересов общества, а также обязанность действовать в интересах общества добросовестно и разумно. Кроме того, законом прямо предусмотрено заключение договора между обществом и лицом, исполняющим функции единоличного исполнительного органа либо члена коллегиального исполнительного органа, причем законодательство Российской Федерации о труде распространяется на данные отношения только в части, не противоречащей Федеральному закону «Об акционерных обществах». Закон предусматривает также возможность передачи полномочий исполнительного органа по договору другой коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю.⁵

Анализируя ст. 182 ГК РФ, определяющую понятие представительства, можно сделать вывод, что к существенным признакам представительства относятся только следующие: 1) сделка совершается одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого); 2) создание, изменение и прекращение прав по сделке происходит у представляемого. Основания же возникновения полномочий, указанные в ст. 182 ГК РФ: доверенность, закон, акт уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, — нельзя отнести к существенным признакам представительства, поскольку они определяют лишь возможные случаи его возникновения. Смешивать же сущность отношений с юридическими фактами, обуславливающими их возникновение, нельзя. Таким образом, единственным отличием положения директора от представительства, понимаемого в смысле ст. 182 ГК РФ, является то, что основанием для действия директора не служат основания, перечисленные в ст. 182 ГК РФ, однако данное обстоятельство несущественно.

Правда, и само законодательство в этом вопросе непоследовательно. Статья 182 ГК РФ, если исходить из ее формального толкования, не относит действия субъекта, выполняющего функции директора, к представительству. Однако в п. 3 ст. 53 ГК РФ сказано буквально следующее: «Лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица *выступает от его имени*, должно действовать *в интересах представляемого им юридического лица* (курсив наш. — Г.Ц.) добросовестно и разумно», — т. е. прямо указывает на действия такого лица как на представление интересов.

Существует, однако, мнение, что понятие «представление интересов» шире понятия «представительство», что последнее — всегда выражение чужой воли. Так ли это? Думается, что нет. Статья 32 ГК РФ предусматривает установление опеки над малолетними, а также гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства. Опекуны являются *представителями* подопечных в силу закона и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки. Недееспособность понимается как невозможность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их. Основанием для признания граждан недееспособными является отсутствие у них собственной воли: у малолетних — в силу возраста, у остальных граждан — в связи с психическим

⁴ См., напр.: ГК РФ. П. 1 ст. 67, ст. 103; Закон РФ «Об акционерных обществах»// СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁵ См.: Закон РФ «Об акционерных обществах». Ст. 69, 71.

расстройством. Таким образом, опекун не может выражать чужую волю и всегда действует собственной волей. Однако всегда предполагается, что на совершаемые им действия в интересах подопечного имелась бы воля последнего. Следовательно, представление чужой воли не является отличительной чертой всего института представительства и относится лишь к некоторым его составляющим. Более того, по мнению А.П. Сергеева, представитель, как правило, вообще действует именно своей волей, что и отличает его от посланца.⁶

Представительство, таким образом, является, скорее, представлением чужих интересов, нежели чужой воли. Интерес в этом смысле есть некая объективная потребность, в то время как воля — способность лица осознать и удовлетворить данную потребность. Удовлетворение такой потребности может осуществляться как путем собственных действий, так и посредством указаний по осуществлению таких действий другими лицами. Последнее как раз и имеет место в случае договора поручения, когда поверенный обязан действовать не только в пределах предоставленных ему полномочий, но и в соответствии с указаниями доверителя (п. 1 ст. 973 ГК РФ). Если понимать представительство как представление интересов, то не остается ничего другого, как признать действия лица, исполняющего функции директора общества, особым видом представительства.

Мнение о том, что органы юридического лица по своей сути являются его представителями, разделял и Г.Ф. Шершеневич. Он, в частности, указывал: «Обладая имущественной правоспособностью, юридическое лицо как фиктивное, не имеющее возможности самостоятельно вступать в отношения с третьими лицами, совершать сделки, облекать их в форму, — нуждается, очевидно, в особых *представителях*, чьи действия могли бы считаться действиями юридического лица. Через посредство этих органов юридическое лицо приобретает права и принимает на себя обязанности. Представители, деятельность которых восполняет отсутствие дееспособности юридических лиц, выполняют свою задачу или в пределах указаний закона (публичное юридическое лицо), или же в пределах данного им полномочия (частное юридическое лицо), которое, однако, не может выходить из границ цели, для которой существует юридическое лицо. В этих пределах юридическое лицо несет *ответственность* за действия его органов».⁷

Несомненна также связь данных отношений с договором поручения. Общим между ними является следующее: 1) как директор, так и поверенный действует от имени представляемого лица; 2) как поверенный, так и директор должен действовать добросовестно и разумно; 3) и доверитель и юридическое лицо могут отказаться от поручения (отстранить директора от занимаемой должности) в любое время.⁸ В качестве доверенных лиц акционерного общества рассматривало директоров и дореволюционное русское законодательство. Так, в частности, в Законе Российской Империи «О товариществах по участкам, или компаниях на акциях» указывалось: «Директоры компании, или члены Правления, действуют в качестве ее уполномоченных».⁹

Однако между правовым положением поверенного и директора существуют и различия. Применительно к акционерному обществу их можно определить таким образом. Во-первых, общество не может непосредственно осуществлять все принадлежащие ему права, вследствие чего вынуждено приглашать для этих целей третьих лиц. Общество не может также давать указания директору относительно

⁶ Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. СПб., 1996. С. 229.

⁷ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. СПб., 1907. С. 124.

⁸ Ошибочной в этой связи представляется позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, сформулированная в определении № 18В-96-47, что избрание акционерами нового генерального директора не свидетельствует о расторжении контракта между акционерным обществом и прежним генеральным директором, поскольку контрактом такое основание для его расторжения не предусмотрено (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 4. 1997. С. 20—21).

⁹ Свод законов Российской Империи. Т. X, ч. 1. СПб., 1913. Ст. 2181.

реализации переданных ему полномочий, в то время как поверенный должен действовать в соответствии с указаниями доверителя (ст. 973 ГК РФ). Таким образом, поверенный, действуя, как правило, в соответствии с указаниями доверителя, не формирует его волю, в то время как в случае с директором этапу выражения им воли представляемого юридического лица предшествует этап ее формирования. Во-вторых, при действиях директора всегда подразумевается, что он действует от имени представляемого им юридического лица, в то время как полномочия поверенного должны специально оговариваться в доверенности. Директор же действует на основании учредительных документов и закона; какого-либо специального подтверждения его полномочий не требуется. Указанные различия продиктованы фиктивной природой самого общества, а также необходимостью упрощения отношений между обществом и директором, обществом и его контрагентами, созданием для них надежных гарантий законности совершения сделок.¹⁰

Было бы неверно рассматривать отношения между лицом, исполняющим функции директора, и юридическим лицом только как трудовые. Очевидно, что если директором является физическое лицо, то такие отношения присутствуют. Однако нормы трудового права не регулируют вопросы передачи полномочий. Возникновение полномочий директора допускается теперь у лиц, которые вообще не могут быть субъектами трудовых отношений. Следовательно, трудовые отношения могут возникать либо не возникать, однако в любом случае имеются отношения по поводу передачи полномочий. По этим причинам непризнание отношений между юридическим лицом и субъектами, выполняющими функции его органов, гражданско-правовыми ошибочно, не отвечает ни требованиям действующего законодательства, ни духу времени.

В заключение еще раз отметим, что ныне, наконец, созданы все предпосылки, чтобы отказаться от господствовавшей столь длительный срок теории реальности юридического лица и как следствие этого признать лиц, осуществляющих функции его органов, в качестве его особых представителей. Такая конструкция сводит к минимуму затруднения при разрешении судебных споров, создает надежные гарантии для деятельности юридических лиц, ограждая их от возможных злоупотреблений со стороны директоров.

¹⁰ См., напр.: ГК РФ. Ст. 174.